

Хотя Цзянь Фу формально не числился сотрудником Первого района, в некоторых вопросах ему было даже проще добиться желаемого, чем штатным специалистам. Ему достаточно было действовать от имени отца.

Просьба продвинуть социальную новость в рекомендациях платформы не была чем-то из ряда вон выходящим. Старые друзья Цзянь Чанли даже не подумали бы перепроверять слова его сына, а когда отец обнаружит самоуправство, всё уже станет свершившимся фактом.

Срок публичного уведомления начинался завтра. «Они» всё еще хранили напускное благородство, намереваясь действовать по официальным каналам: отнять у Ли Жуна место, прикрываясь высокими моральными принципами. Но они забыли, что моральный авторитет — это обоюдоострый меч, и любой желающий может направить его против своего оппонента.

Цзянь Фу в красках представил, как эти старики будут в бессильной ярости раздувать щеки, видя, как их планы рушатся. Он невольно встряхнул рукавами от возбуждения, чувствуя, как душа пускается в пляс где-то в облаках.

Если Ли Жун не попадет в Университет А, он не сможет подобраться к Ли Байшоу, Лю Таньчжи и Цзян Вэйдэ. Без контакта с этими подозрительными личностями правда о прошлом останется недостижимой, а месть превратится в пустую фантазию.

А значит, исход этой информационной войны станет решающим поворотом в истории их маленькой команды!

«Я определенно ключевая фигура в нашем отряде! — ликовал про себя Цзянь Фу. — Именно на мои плечи легла эта великая миссия: спасти положение и решить судьбу битвы за тысячи миль отсюда!»

Раздуваясь от гордости, юноша достал телефон и, вихля бедрами, выскочил из класса, лихорадочно листая список контактов. Ян Фанфан, прижимавшая к груди стопку тестов, едва не столкнулась с ним в дверях.

Её брови взлетели вверх, и она крикнула вслед:

— Скоро урок! Куда это ты собрался?

— У моей двоюродной сестры роды начались! — голос Цзянь Фу донесся уже из конца коридора. — Родители велели срочно ехать!

— При чем здесь ты и роды твоей сестры?! — Ян Фанфан пришла в ярость.

Но ученик уже испарился. Учительница не могла тратить время на его поиски — вот-вот должен был прозвенеть звонок. К тому же Цзянь Фу уже зачислили в Университет А по специальной квоте; с его льготами поступил бы любой, у кого есть хоть капля мозгов, так что Ян Фанфан махнула на него рукой.

А вот Цуй Минъян не находил себе места, с тревогой глядя вслед ушедшему однокласснику. Он понимал: Ли Жун и Цэнь Сяо что-то задумали и поручили исполнение Цзянь Фу.

Парень не знал, удастся ли им переломить ситуацию, но его мучила совесть — ведь именно он выдал секрет. Чем больше он об этом думал, тем сильнее становился страх. Он боялся, что последствия окажутся куда серьезнее, чем он предполагал.

Сможет ли Ли Жун справиться?

***

Найти подходящий информационный повод оказалось несложно. Стоило вбить в поиск ключевые слова, как выяснилось, что подобные случаи происходят по всей стране с пугающей регулярностью.

Самым показательным оказался репортаж «Вечернего Чангуана».

В центре истории была девушка под псевдонимом Сяо Ни. Она заняла первое место в письменном тестировании на административную должность в одном из вузов. Всего набирали десять человек, и по логике вещей Сяо Ни уже обеспечила себе место.

Будучи отличницей, она не расслаблялась: наслушавшись историй о кумовстве, девушка тщательно подготовилась к собеседованию. Однако когда огласили результаты интервью, её общий балл магическим образом опустился на одиннадцатую строчку. Она оказалась первой среди проигравших.

Сама по себе эта история не стала бы вирусной, если бы не одно совпадение. В списке зачисленных Сяо Ни обнаружила знакомое имя — своего бывшего одноклассника. В студенческие годы этот парень провел пять суток под арестом за то, что тайком снимал под юбками у девушек.

Он плохо учился, обладал сомнительными моральными качествами и отталкивающей внешностью, но имел за спиной влиятельную семью, которая оберегала его вплоть до самого выпуска и трудоустройства.

Сяо Ни не смирилась. Она подала жалобу в университет, требуя дисквалифицировать кандидата: согласно требованиям, его вообще не должны были зачислить. Если бы его исключили, она стала бы десятой.

Однако жалоба канула в лету. Ни ответа, ни привета. Более того, Сяо Ни начали приходить анонимные угрозы: ей советовали угомониться, если она хочет «увидеть завтрашнее солнце».

Кто-то другой на её месте мог бы струсить, но Сяо Ни обладала твердым характером. Она не смогла проглотить эту обиду и обратилась к журналистам «Вечернего Чангуана».

К сожалению, Чангуан был маленьким городком, а у их газеты в соцсетях не набралось бы и десяти тысяч подписчиков. Дело было под конец года, ленты новостей кипели обсуждениями свадеб звезд и красных дорожек. История Сяо Ни затерялась в потоке развлекательного контента, собрав всего три тысячи репостов.

Без охватов тема не стала резонансной, и редакция «Вечернего Чангуана» охладела к этой истории. Последующие посты в их аккаунте состояли из банальных цитат об успехе, а в комментариях резвились дешевые боты.

В этом мире несправедливость случается каждую секунду. Большинство людей никогда не добиваются правды и вынуждены в одиночестве зализывать раны, черпая иллюзорные силы в утешительных сказках о том, что трудности — это скрытое благо. Они смиряются и продолжают жить с пеплом в душе.

Сяо Ни была одной из них.

Однако ровно в полночь репортаж двухмесячной давности внезапно начал активно продвигаться в лентах пользователей по всей стране.

Хотя у редакции газеты не хватило воли довести дело до конца, журналист, писавший статью, оказался настоящим профессионалом. Текст был логичным, острым и бил в самое больное место.

Полуночные пользователи, склонные к эмоциональным порывам, читали статью, проникались негодованием и яростно жали «поделиться».

Меньше чем за полчаса количество репостов превысило десять тысяч. Обсуждение росло как снежный ком; люди начали делиться собственным горьким опытом, выражая солидарность с Сяо Ни.

Публикация списков программы «Выдающиеся таланты» должна была состояться через час после начала работы приемной комиссии Университета А — ровно в десять утра.

К этому моменту новость о Сяо Ни уже возглавила топ горячих тем. Помимо оригинального репортажа, в лентах появилось несколько статей от официальных аккаунтов самой платформы:

[Справедливость — это утопия, к которой мы стремимся всю жизнь]

[Мы — не Сяо Ни, но завтра каждый из нас может оказаться на её месте]

[Сяо Ни, которой некуда идти, заслуживает объяснений, но обществу нужно нечто большее]

[Что делать остальным «Сяо Ни», если их история не попадет в тренды?]

[Находится ли Сяо Ни в безопасности?]

Когда появились эти материалы, университет, фигурировавший в скандале, не выдержал давления и выпустил официальное заявление.

Администрация утверждала, что глава приемной комиссии допустил «небрежность при проверке данных», что привело к недоразумению. Кандидата, занявшего первое место, дисквалифицировали, и Сяо Ни пригласили на работу как десятую в списке.

Попытка переложить ответственность и замять дело только подлила масла в огонь. Под постом в кратчайшие сроки появилось почти сто тысяч гневных комментариев:

— Это что вообще такое? Нас за идиотов держат?

— Объясните мне: как Сяо Ни, которая была первой в тестах, вела все вечера и побеждала в конкурсах ораторов, после собеседования стала одиннадцатой?

— А к первым десяти вопросов нет? Вы серьезно? Набрали десять «своих» на десять мест?

— Тошнит от этого. Если бы не огласка, Сяо Ни пришлось бы молча глотать слезы.

— Защитите девушку! Тот подонок, снимавший из-под юбок, еще и угрожал ей!

— Не выношу несправедливость. Моё место тоже когда-то отдали другому.

— Если я промолчу сегодня, завтра это коснется меня. Я не так хороша, как Сяо Ни, она — идеальная жертва системы!

— Вузы не могут обеспечить честность... Чему они тогда вообще учат?!

— Ха-ха, первоклассные вузы следят за репутацией... Никогда не слышал, чтобы в Университете А творилось подобное.

***

Как только общественное недовольство достигает точки кипения, ему больше не нужны внешние стимулы. Лавина мнений сама превращается в трибунал.

Следом за историей Сяо Ни начали всплывать и другие похожие случаи. Первый день открытой публикации списков прошел под аккомпанемент сетевых баталий. Злосчастному вузу пришлось выпустить еще одно письмо с извинениями и отобрать только «правильные» комментарии. Но в зоне репостов их продолжали яростно поливать грязью.

На сайте Университета А царил полный штиль.

Ли Жун вел себя как обычно: спокойно читал книгу и пил чай, словно всё происходящее не имело к нему ни малейшего отношения.

Зато у Цуй Минъяна на губах от стресса выскочило пару болячек. Никогда не нарушавший дисциплину отличник теперь постоянно косился в телефон, проверяя ленту новостей, пока учитель не видит.

Телефон Цэнь Сяо вибрировал без остановки — это были сообщения от Цзянь Фу:

[Цзянь Фу: Ну как? Моё имя еще чего-то стоит, а?]

[Цзянь Фу: Черт, я принес огромную жертву! Чуть ли не на колени перед этими дедами падал. Как Панда собирается меня отблагодарить?]

[Цзянь Фу: Ой-ой, кажется, предки пронюхали. Я свалил всё на тебя, ладно?]

[Цзянь Фу: Вижу, аккаунты Лю Таньчжи зашевелились. Но мой батя вроде сказал тем дядькам, что это я хулиганю... Не знаю, будут ли они дальше резать охваты...]

Ли Жун перевернул страницу и лениво спросил:

— Статьи в маркетинговых пабликах уже вышли?

Цэнь Сяо ответил Цзянь Фу коротким «Хорошо», отложил телефон и кивнул:

— Да.

Ли Жун опустил глаза, и на его губах заиграла едва заметная улыбка.

В тот же день в обсуждениях темы Сяо Ни начали мелькать посты крупных развлекательных аккаунтов, превозносящих Университет А:

[Пока одни пишут извинения без капли искренности, посмотрите, как годами держит марку Университет А — главный вуз страны!]

[Справедливость? Университет А — лучший в этом вопросе, без вариантов]

[Если бы Сяо Ни подавалась в Университет А, такого бы никогда не случилось]

[Скоро экзамены! Всем советуем поступать в Университет А!]

Университет А, будучи вузом с самым высоким проходным баллом в стране, для многих оставался недостижимой мечтой. А то, что недоступно, легко мифологизируется в сознании людей. Тем более что у университета и впрямь было множество реальных достоинств.

Комментарии наполнились восторгами. Университет А стал антиподом оскандалившегося вуза, его буквально возвели на пьедестал.

Сотворение кумира — вещь опасная.

Божество не имеет права на изъяны. Любая трещина в идеальном образе оборачивается против него с силой, в разы превышающей недавние похвалы.

Люди забыли, что университет — это лишь абстрактное понятие. А внутри этого золотого чертога работают живые, конкретные люди. И они не боги: они ошибаются и имеют свои интересы.

Медиа-аккаунты компании «Фэнгуан Вэньхуа» попытались было вбросить статьи, обсуждающие, стоит ли зачислять сына Ли Цинли без экзаменов. Но на фоне скандала с Сяо Ни общественное мнение было настроено крайне категорично. В такой атмосфере попытка лишить Ли Жуна заслуженного места из-за его происхождения нанесла бы сокрушительный удар по репутации Университета А, который только что канонизировали.

Спустя несколько часов те медиа-аккаунты были вынуждены удалить провокационные материалы.

Второй день прошел спокойно.

До окончания срока публикации оставались сутки. Попытаться развернуть общественное мнение было уже невозможно.

Университету А оставалось лишь плыть по течению. Официальный аккаунт вуза опубликовал серию постов с красивыми видами кампуса, фотографиями выпускников, рассказами о преподавателях и научном оборудовании. Всё это снабдили милыми смайликами и радушными

приглашениями для абитуриентов.

В комментариях царило веселье:

— Ха-ха-ха, Университет А — главный победитель в этой истории!

— Опять они в дамках! Так держать, я в вас верю!

— Их втянули случайно, похвалили случайно... Какой милый у них СММ-щик!

— Я выпускник этого года, а можно получить приглашение в лотерею?

— Горжусь альма-матер! Университет А — это честность, народ не обманешь!

***

На третий день ничего не произошло. Списки были утверждены. Ли Жун официально стал участником программы «Выдающиеся таланты», получив право выбрать любой технический факультет по своему усмотрению.

Никто не знал, какая борьба разыгралась в эти три дня в стенах приемной комиссии и как «они» скрежетали зубами, подписывая бумаги.

Когда всё улеглось, болячки у Цуй Минъяна наконец начали проходить. Он вальяжно подошел к парте старосты и выдал из себя подобие улыбки:

— Поздравляю. Ты зачислен, так что звание лучшего выпускника города теперь точно моё. Тебе везет — за все три дня публикации списка ничего не случилось.

Он мог объяснить это только невероятным везением: история Сяо Ни подвернулась удачно, и «они» решили не рисковать имиджем вуза ради одной квоты.

Ведь если это не было совпадением, то Ли Жун пугающе опасен. Казалось, он заранее просчитал реакцию толпы, и каждый удар пришелся точно в цель, не оставив противникам иного выбора, кроме как отступить и проглотить обиду.

От одной мысли о том, что он когда-то враждовал с Ли Жуном, у Цуй Минъяна пробежал мороз по коже.

Ли Жун поднял на него свои ясные, лучистые глаза и молча улыбнулся.

Цуй Минъяну показалось, что за шиворот плеснули ледяной водой. Он даже не стал доигрывать роль, а просто с натянутой гримасой поспешил вернуться на место.

В конце февраля Школа А получила ответ из университета вместе с сертификатом о зачислении.

По традиции, такие документы в Университете А подписывались выдающимися учеными собственноручно.

На бланке изящным, летящим почерком было выведено имя Ли Жуна.

Внизу стояла подпись:

Цзян Вэйдэ.

<http://bllate.org/book/15351/1432318>